

ФЕЛЬЕТОНЪ „ОДЕССКАГО ЛИСТКА“

3-го сентября 1889 года.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ПИСЬМА.

Наше театральное дѣло.

Лѣто — окончено, хотя погода, по прежнему — прекрасная; ночи темны и холодны; по временамъ падаетъ дождикъ, со всѣми неприятными послѣдствіями его въ дачной жизни; чувствуется приближеніе осени. Загородныя увеселенія надобно и погасили свою привлекательность. Хотелся чего-то новаго. А это новое — все то же старое, отъ котораго бѣжало петербургское население съ приближеніемъ весны. Да и порою разиратался къ обычному обиходу. Наконецъ распахнули свои гостеприимныя двери Императорскіе театры, и, такимъ образомъ, нормальная (или, вѣрнѣе, совершенно ненормальная) столичная жизнь входитъ въ свою колею. Не вѣдаешь, поэтому, сдѣлать легкой обзоръ театральной дѣятельности прошлаго и указать на то, какія надежды у насъ существуютъ для будущаго.

Эту бесѣду о столичной жизни я начинаю съ театральной дѣятельности, потому что для петербуржца театр — одно изъ главныхъ условій его жизни. Правда, онъ не особенно ревностно «поощряетъ» театральное искусство, относится къ нему, что называется, съ冷淡ка, похваливаетъ вѣдь, что не придаетъ ему никакого серьезнаго значенія, но, въ дѣйствительности, онъ дорожитъ театромъ и утѣренъ, что безъ театра онъ бы умеръ со скуки. Оно и въ самомъ дѣлѣ: театр для петербуржца — источникъ умственной дѣятельности, поднесенъ нервовъ, умственной индѣтальности, возбужденія. Литература его не занимаетъ, онъ почти ничего не читаетъ, — за исключеніемъ газетъ, которыя «пробѣгаютъ» въ лапкѣхъ нѣкоторыхъ четверть часа, а такъ же за исключеніемъ податки французскихъ романовъ, которые онъ читаетъ на сонъ грядущій, или въ вагонѣ желѣзной дороги, когда ѣдетъ на дачу, или возвращается оттуда. Выбѣтанный лѣтомъ, наприимѣръ, входя въ вагонъ, почти наизусть можно было сказать, что встрѣташь тамъ двухъ — трехъ солидныхъ господъ, изъ числа адвокатовъ, или салонниковъ, литераторовъ, или коммерсантовъ, погруженныхъ въ чтеніе романа Вуржэ «Le Disciple», или романа Монассана «Fort comme la mort». Безъ этихъ возбуждающихъ средствъ, дающихъ поводъ петербуржцу хоть сколько-нибудь шевелить мозгами, — петербургскій житель — прескучившій человекъ. Онъ всегда чѣмъ-то недоволенъ, всегда угрюмо погруженъ въ свое недовольство, всегда — съ печальною скукой на лицѣ. Въ немъ нѣтъ никакой умственной индѣтальности, онъ галь и оживляется только тогда, когда говоритъ о своихъ личныхъ интересахъ, или когда рассказываетъ какіе-нибудь слухи и сплетни. Повитно, поэтому, что для поддержанія умственной и, вообще, психической жизни, петербуржцу необходимы внѣшніе возбужденія. Однимъ изъ такихъ возбужденій является театр.

Въ этомъ отношеніи петербуржецъ даже, отчасти, изобалананъ: онъ привыкъ къ хорошему театру. Скажутъ, можетъ быть, что Александринскій театръ этимъ качествомъ не отличается. Это правда. Но вѣдь петербуржецъ — не патриотъ; онъ прежде всего — космополитъ въ самомъ сверномъ и узкомъ значеніи этого слова. Отечественныя искусства онъ мало интересуется, а когда интересуется, то не изъ любви къ искусству, а вѣдствие какихъ-либо постороннихъ обстоятельствъ. Къ тому-же, кромѣ русскаго театра, петербуржецъ имѣетъ еще театры и другихъ національностей: прекрасную нѣмецкую труппу, недурную французскую, затѣмъ оперу въ равныхъ видахъ — русскую, французскую, итальянскую, а по временамъ — даже нѣмецкую, какъ это было въ прошлую зиму и выбѣтанный лѣтомъ. Но надо прибавить, что въ этомъ разнообразіи театральнымъ удовольствіемъ онъ относится различно: настоящій петербуржецъ никогда не посѣждаетъ нѣмецкаго театра: это удовольствие онъ предоставляетъ спеціально петербургскимъ нѣмцамъ; нѣмецкихъ актеровъ онъ считаетъ кельнерами плохенькой берлинской гостиницы, а нѣмецкихъ актрисъ — кузарками. Въ Александринскомъ театрѣ онъ бываегъ рѣдко: преимущественно тогда, когда даются пьесы г. В. Александрова, или когда является что-либо совершенно необычное и рѣдкостное, наприимѣръ, пьеса князя Мещерскаго. Къ русской оперѣ онъ относится сдержанно и «поощряетъ» только трехъ — четырехъ красивыхъ пѣвицъ. За то онъ усердно посѣждаетъ итальянскую оперу и, въ особенности, французскій театр.

Тутъ онъ находитъ все, чего ищетъ: «красивую» игру и изящное, свѣтское общество. Впрочемъ, все то, что я сейчасъ сказалъ, относится къ салонному и чиновному Петербургу, къ петербургскому космополиту, для котораго существуетъ только то, что доставляетъ ему легкое и удобопріимое удовольствие и которому нѣтъ въ избѣтанный дѣла ни до русскаго искусства, ни до русскаго искусства, — тому самому космополиту, который весьма интересуется спеціально княземъ Мещерскимъ, который въ настоящее время знакомится съ произведеніями Толстого, Тургенева, Достоевскаго по французскимъ сквернымъ переводамъ и который, наконецъ, знаетъ Салтыкова только по наслышкѣ, ибо въ его обществѣ Салтыковъ имѣетъ репутацію разрушителя «основъ». Но въ Петербургѣ существуетъ и другая публика, составляющая, какъ это само собой разумеется, большинство; это — средній образованный классъ, публика, которая еще вѣрять и въ искусство, и въ литературу, и въ поэзію, и въ высшую умственную жизнь. Эта публика читаетъ русскіе журналы, очень рѣдко посѣждаетъ французскій театръ, хотя и не отрицаетъ его, бываегъ на выставкахъ, считаетъ единственнымъ выдающимся художественнымъ критикомъ г. Стасова, весьма поощряетъ «Александринку», въ восторгѣ отъ русской оперы, въ особенности когда дають произведение одного изъ «скупячковыхъ» и, вообще, увлекается. Собственно объ этой-то публикѣ и объ ея художественно-театральныхъ интересахъ я и наизусть скажу нѣсколько словъ.

Надо высказать горькую правду: театральное дѣло въ Петербургѣ изъ году въ годъ все больше и больше падаетъ. О французской труппѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ она была лѣтъ сорокъ, тридцать тому назадъ — нѣтъ и помину. Тогда эту труппу составляли, въ большинствѣ случаевъ, корифеи парижскаго театрального міра; случалось, что по временамъ французскій театръ въ Петербургѣ былъ лучше, чѣмъ даже Comedie Francaise въ Парижѣ. Повитно, что такая труппа удовлетворяла художественныя требованія художественно-настроивной публики, — такая труппа, къ тому-же, была прекраснѣйшимъ образцомъ и для русскаго интера, который очень часто бывалъ во французскомъ театрѣ и «учился». И, дѣйствительно, въ тѣ отдаленныя времена и уровень русскаго театра былъ значительно выше, художественнѣе: тогда были Мартыновы, Каратыгинны, Васильевы. Но съ тѣхъ поръ много воды утекло, и художественная жизнь Петербурга совершенно избѣталась. Избѣтанныя французская труппа набирается исключительно изъ парижскихъ дебютантовъ, которые и дѣлаютъ «карьеру» въ Петербургѣ, ибо — «на безрыбьи и ракъ рыба». Репертуаръ французскаго театра съ каждымъ годомъ новѣеается: ставятся или глумныя

вольтеры и которому нѣтъ въ избѣтанный дѣла ни до русскаго искусства, ни до русскаго искусства, — тому самому космополиту, который весьма интересуется спеціально княземъ Мещерскимъ, который въ настоящее время знакомится съ произведеніями Толстого, Тургенева, Достоевскаго по французскимъ сквернымъ переводамъ и который, наконецъ, знаетъ Салтыкова только по наслышкѣ, ибо въ его обществѣ Салтыковъ имѣетъ репутацію разрушителя «основъ». Но въ Петербургѣ существуетъ и другая публика, составляющая, какъ это само собой разумеется, большинство; это — средній образованный классъ, публика, которая еще вѣрять и въ искусство, и въ литературу, и въ поэзію, и въ высшую умственную жизнь. Эта публика читаетъ русскіе журналы, очень рѣдко посѣждаетъ французскій театръ, хотя и не отрицаетъ его, бываегъ на выставкахъ, считаетъ единственнымъ выдающимся художественнымъ критикомъ г. Стасова, весьма поощряетъ «Александринку», въ восторгѣ отъ русской оперы, въ особенности когда дають произведение одного изъ «скупячковыхъ» и, вообще, увлекается. Собственно объ этой-то публикѣ и объ ея художественно-театральныхъ интересахъ я и наизусть скажу нѣсколько словъ.

Надо высказать горькую правду: театральное дѣло въ Петербургѣ изъ году въ годъ все больше и больше падаетъ. О французской труппѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ она была лѣтъ сорокъ, тридцать тому назадъ — нѣтъ и помину. Тогда эту труппу составляли, въ большинствѣ случаевъ, корифеи парижскаго театрального міра; случалось, что по временамъ французскій театръ въ Петербургѣ былъ лучше, чѣмъ даже Comedie Francaise въ Парижѣ. Повитно, что такая труппа удовлетворяла художественныя требованія художественно-настроивной публики, — такая труппа, къ тому-же, была прекраснѣйшимъ образцомъ и для русскаго интера, который очень часто бывалъ во французскомъ театрѣ и «учился». И, дѣйствительно, въ тѣ отдаленныя времена и уровень русскаго театра былъ значительно выше, художественнѣе: тогда были Мартыновы, Каратыгинны, Васильевы. Но съ тѣхъ поръ много воды утекло, и художественная жизнь Петербурга совершенно избѣталась. Избѣтанныя французская труппа набирается исключительно изъ парижскихъ дебютантовъ, которые и дѣлаютъ «карьеру» въ Петербургѣ, ибо — «на безрыбьи и ракъ рыба». Репертуаръ французскаго театра съ каждымъ годомъ новѣеается: ставятся или глумныя

Одесский листок

1889г, 3 сентября, №234,

с. 2.

человеком, или только водила, с специальною целью выставить дамские костюмы. Вот уже двадцать лет я не знаю истинного «литературного и сценического события» на сцене петербургского французского театра: все или старина, или пейзаж, бездарная повязка. О французских классиках, разумеется, и помину нет: не ставят ни Вольтера, ни Расина, ни даже Мольера. Даже Виктор Гюго не пользуется благоволением дирекции.

Приблизительно то-же самое можно сказать и обь Александринском театре. Репертуар этого театра замечательно в настоящее время плох и даже просто похл, не смотря на то, что в настоящее время репертуарной части состоит такой сбудущий человек, как А. А. Потбианъ. Въ прошлом сезоне на Александринской сцене было только два, если можно такъ выразиться, события: «Татьяна Гривина» г. Суворина и «Ивановъ» г. Чехова, — события не Бог знаетъ какія. Острогоסקого совершенно не даютъ, впрочемъ, потому что нетъ подходящихъ артистовъ. Въ прошлом году поставили пьесу «Гроу» Острогоסקого съ г-жею Савиной въ роли Катерини. Г-жа Савина не справилась съ этой ролью, была въ ней чрезвычайно плохо и совершенно испортила пьесу. Въ время драматическаго писателя одинъ изъ г. В. Александрова, директоръ театра, предложилъ за это ему переписать пьесу и написать три-четыре пьесы, и эта-то пьеса состоялась, такъ сказать, вь пьесе de circonstance Александринскій сезонъ вь текущій сезонъ. А, между тѣмъ, благодаря усиліямъ и стараніямъ дирекція, постановка пьесы сдѣлала огромнѣйшій шагъ впередъ: пьеса ставится чрезвычайно тщательно, богато, изящно, — то-есть въ то-же какъ въ лучшихъ парижскихъ театрахъ. Артисты то-же подтянулись: они не только выучиваютъ роли (чего прежде не было), но и добросовѣстно относятся къ игре, дѣлаютъ все отъ нихъ зависящее, чтобы ансамбль былъ превосходенъ. И усилія эти въ большинствѣ случаевъ увѣнчались успѣхомъ. А въ общемъ, тѣмъ не менѣе, Александринскій театръ никакъ не представляетъ ни малѣйшаго интереса *).

*) В. В. Чубинъ, большой знатокъ сцени, не только доволенъ труппой Александринскаго театра, которая все-же блещетъ именами такихъ артистовъ, какъ г. Давидовъ, Сазоновъ, Киселевскій, Варламовъ и др. и г-жи Савина и Стрелитова, а даже одесскіе знаменитыя сценики приходятъ въ то-же восторгъ отъ игры бездарныхъ артистовъ, которыхъ

Зависитъ это, между прочимъ, отъ многихъ и очень сложныхъ причинъ. Во-первыхъ, плохое состояніе театра зависить отъ упадка драматическаго искусства, ибо пьесы г. В. Александрова нельзя, серьезно, считать литературой. Кое-какое движеніе и въ этотъ смыслъ, разумеется, существуетъ. Кое-что сбудется въ будущемъ, но пока — только сбудется. Есть два-три молодыхъ писателя, подающіе надежды: гг. Щегловъ и Тихоновъ, напримеръ. Но до сихъ поръ она ничѣмъ серьезнымъ еще не разрышилась и что создадутъ въ будущемъ, еще неизвестно. Затѣмъ, труппа Александринскаго театра, при всей своей многочленности, составлена чрезвычайно неудачно. Она не годится ни для настоящей комедіи, ни для настоящей драмы, а главное, не годится для драмы. У насъ нетъ ни одного истиннаго драматическаго актера, нетъ истинно драматическаго актрисы; г-жа Стрелитова годится только въ несказъ Острогоскаго или, вообще, въ бытовыхъ пьесахъ. Нетъ, кромѣ того, хоть сколько-нибудь предстательскаго жанре premier. При такихъ условіяхъ, какъ возможно выставить настоящую драму, — я говорю: настоящую драму, а не постановочную. Говорятъ, что дирекція въ настоящее время задумала поставить «Гамлета» съ г. Давидовымъ въ роли датскаго принца, а въ роли переводчицы — артисткой, чрезвычайно похвальной, за которую дирекція заслуживаетъ благодарности истинныхъ любителей театра. Но спрашивается — возможно-ли выдвинуть это предположеніе? По моему, нельзя. Дѣло, конечно, не въ роли самого Гамлета: разумеется, г. Давидовъ въ роли датскаго принца не только удовлетворитъ: онъ, несомнѣнно, умный и чрезвычайно даровитый актеръ; но роль Гамлета — не въ стрѣхъ его таланта. Тѣмъ не менѣе, роль онъ не испортитъ, а можетъ быть придастъ ей что-нибудь даже своеобразное. Но кто будетъ играть Офелію? Кто будетъ играть Полонія, Ларта? На-

истомъ — на какой-нибудь второстепенной роли сцене, а вь некоторыхъ — такъ прино въ балладе. Но, что всего забавнѣе, — это, то что еще такъ недавно тѣ-же, съ позволенія сказать, рецензенты указывали на недочеты въ игре гастролирующихъ у насъ одесскихъ артистовъ, а вь настоящее время въ сравненіи съ «выдающимися сцениками», выбранной съ сосенки да съ бору г. Казанцевскихъ. Не помню, что въ отозванъ гг. рецензентовъ игра Казанцевскихъ артистовъ — не прино и что имъ итѣмъ тутъ дѣло съ... весьма неостроумнымъ полемическимъ приемомъ...

Ред.

коонецъ, кто будетъ играть короля? Какъ-то года два тому назадъ я видѣлъ «Гамлета» въ Павловскѣ; роль датскаго принца исполнялъ г. Ивановъ-Козельскій. Этого представленія я никогда не забуду. Гамлетъ оказался психопатомъ, Офелія изображала изъ себя что-то небыто-диковое; король страшно вращалъ зрачками, какъ-то уродливо игралъ и, вообще, былъ настоящимъ пивергомъ. Боюсь, что и съ представлениемъ на Александринскомъ театре произойдетъ нѣчто подобное; но, главнымъ образомъ, боюсь за короля и за королеву. Это, конечно, — второстепенныя роли, но у Шекспира и съ второстепенными ролями нужно обращаться осторожно и умно. А, между тѣмъ, на Александринскомъ театре именно второстепенныя роли исполняются изъ рукъ конь плохо. Ихъ даютъ, обыкновенно, самымъ бездарнымъ актерамъ, которые портятъ рѣшительно всякое удовольствіе.

Наконецъ, есть еще, по-моему, третья причина плохого состоянія русскаго театра въ Петербургѣ. У насъ нетъ истинно-художественной среды, какая существуетъ, напримеръ, въ Москвѣ. Странное дѣло, но въ Петербургѣ, гдѣ поощряются всякія искусства, — публика не художественно настроена. Въ театре, напримеръ, она ищетъ не эстетическаго удовольствія, а просто препровожденія времени. Вѣдѣніе этого и требованія ее очень похлва. Это — требованія толпы, которая ищетъ простаго арѣшца и о художественности не заботится. При этихъ условіяхъ, конечно, — всякое дѣланіе — благо, и даже чѣмъ полнее это дѣланіе, тѣмъ оно вь лучше: посредственность всегда принятѣе толпы, чѣмъ что-либо выдающееся.

До какой степени петербургская публика не художественно настроена — можетъ обнаружить одинъ фактъ: фактически у насъ существуетъ, вотъ уже дѣтъ десять, свобода театровъ. Москва этой свободой воспользовалась, и воспользовалась замѣчательно удачно: въ Москвѣ есть нѣсколько частныхъ театровъ, которые процвѣтаютъ; эти театры вѣнчаютъ превосходныя труппы и порядочный репертуаръ. Существуютъ-ли вѣнчатъ подобное въ Петербургѣ? — Нетъ. Въ Петербургѣ только и есть, что Александринскій театръ. Съ прошлаго года, правда, у насъ существуетъ одинъ частный театръ, — театръ г-жи Нелетти, но его, говорятъ, мало посещаютъ. Правда, у насъ въ каждомъ клубѣ есть свои сцены, и ежедневно даются спектакли, но это — нѣчто совершенно безобразное...

С. Петербургъ

В. Чубинъ.